

Игорь Орлав

Дело о чужой анкете

КодМЫ

ДЕТЕКТИВ

Игорь Орлав

Дело о чужой анкете

«Автор»

2026

Орлав И.

Дело о чужой анкете / И. Орлав — «Автор», 2026

В двух личных письмах — один и тот же нарисованный дом и одна пропущенная буква. Сотрудница сервиса знакомств Вера замечает совпадение, а реставратор вывесок Даниил пытается сохранить веру в женщину, которой доверил свои мечты. Проверка приводит их к очным свиданиям, бумажным отзывам и обещанной поездке в загородную мастерскую. Но кому принадлежат нежные слова и откуда их автор знает то, чего нет ни в одной открытой анкете? Чтобы найти ответ, героям придётся отличить внимание от хорошо подготовленного обмана — и решить, чем они готовы поступиться ради правды.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Пропущенная буква	5
2. То, что можно показать	7
3. Комната с зелёной дверью	9
4. Имя матери	11
5. Обратная сторона листа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Орлав

Дело о чужой анкете

1. Пропущенная буква

Вера поднесла два листа к настольной лампе. На обоих дом стоял на трёх ножках, как разошедшийся табурет. Из круглого окна торчала ветка. Над крышей было написано от руки: «Дом для ждащих».

Не хватало буквы «у».

На первом листе промах можно было принять за торопливость. На втором ошибку сопровождали та же клякса у трубы и тот же оборванный штрих под окном. Даже едва заметная точка внутри буквы «д» находилась на месте.

Вера положила рисунки рядом. На экране её рабочего компьютера оставалась открыта жалоба Павла Грачёва: «Вы проверяете тех, кто у вас зарегистрирован? Мне кажется, я переписываюсь с рекламой».

Подпись под письмом была одна: Алиса.

Вторая жалоба поступила неделю назад от Даниила Ракитина. Он спрашивал, не могло ли сообщение исчезнуть при передаче. В приложенном снимке экрана виднелись первые строки письма и край того самого дома. Тогда Вера ответила про доставку сообщений. Ракитин поблагодарил. Обращение закрыли.

Сегодня, в понедельник, она вспомнила рисунок раньше, чем фамилию.

Сервис знакомств назывался «Пара строк». В его маленьком офисе помещались шесть столов, стойка с роутером и вешалка, с которой постоянно падал жёлтый дождевик руководителя. Вера работала с обращениями пользователей. Она не могла открывать чьи угодно переписки: в карточку жалобы попадали только отмеченные человеком сообщения и приложенные им файлы. Рядом существовала соблазнительная кнопка «Запросить расширенную проверку». Она отправляла запрос коллеге, отвечавшему за безопасность, а вовсе не открывала перед Верой чужую жизнь.

Вера нажала её, указала номера двух обращений и написала: «Предположительно повторное вложение. Прошу проверить связь с одним аккаунтом. Содержание других диалогов не запрашиваю».

Потом вернулась к листам.

Грачёв разрешил распечатать своё письмо для разбора. Из обращения Ракитина она вывела на бумагу только видимый рисунок, обрезав имя и соседние сообщения. Пока этого было достаточно.

Текст Грачёву начинался так:

«Вчера я придумала для нас дом. В нём не будет прихожей, где один человек уже одет и сердится, а другой всё ещё ищет ключи. Три ножки — чтобы не качался. Четвёртая всегда оказывается короче. Ветка в окне — это яблоня. Не смейся: пока она питается нашим терпением».

Вера прочла ещё раз. Хорошее письмо. Неловкость рисунка делала его лучше. В нём чувствовалась рука человека, который старался не выглядеть старательным.

— Одинаковые картинки? — спросила из-за перегородки Соня.

— И ошибка.

— Кто-то продаёт наборы для переписки?

— Может быть.

— Или одна женщина пишет нескольким мужчинам. Такое тоже допускается, кажется.

— Допускается.

Вера сняла очки. В правом стекле отражалось круглое окно нарисованного дома.

Ей хотелось сразу назвать происходящее подделкой. Это было неприятное желание: короткое слово обещало быстро расставить людей по местам. Она работала здесь пятый год и считала своим достоинством способность обходиться без догадок о чужих характерах. Между тем от рисунка уже тянулась готовая история, в которой одному полагалось обманывать, а другому — доверчиво ждать.

Она перевернула листы.

Грачёву ушёл ответ с просьбой сохранить переписку и, если он согласен, прислать сообщение целиком. Никаких имён второго пользователя Вера не назвала. Ракитину она написала отдельно: при проверке старого обращения обнаружилось совпадение, которое стоит обсудить; это ещё не означает, что его собеседница нарушила правила.

Через двадцать минут Грачёв ответил: «Я согласен. Обезличенную копию письма можете показать второму участнику. Только не звоните днём, у меня работа».

Ракитин позвонил сам.

— Что именно совпало?

Голос был низкий, спокойный. На заднем плане что-то скребло по металлу.

— Рисунок, который вы приложили к вопросу о доставке.

— Она рисует. Наверное, отправляет свои работы.

— Такое объяснение возможно. Мне нужно спросить о тексте рядом с рисунком. Вы вправе отказаться.

Скрежет прекратился.

— Там не работа. Там дом.

Вера подождала.

— Я понимаю, — сказала она наконец.

— Нет, пока не понимаете. Я зайду. Можно сегодня?

Она назвала время и адрес. Уже после звонка заметила, что держит перевёрнутые листы ладонью, словно ветер мог унести их из закрытого офиса.

В четыре пришёл ответ от Матвея, специалиста по безопасности. Оба обращения действительно относились к одной анкете. Регистрация с подтверждённой почтой не означала подтверждения личности. Особых отметок у аккаунта не было. До получения дополнительных сведений оснований объявлять его мошенническим Матвей не видел.

Вера подшила распечатки в папку. На обложке написала два номера обращений. Фамилии оставила внутри.

За окном начинался дождь. По стеклу бежали неровные дорожки, и Вера вдруг подумала о том, как просто нарисовать дом на трёх ножках. Гораздо труднее потом убедить человека, что жить он собирался в рисунке.

2. То, что можно показать

Ракитин принёс письмо в прозрачном файле. Бумага была плотная, слегка кремовая, с аккуратно обрезанными краями. Вера почувствовала неловкость из-за собственных офисных распечаток.

— У меня принтер для эскизов, — объяснил он. — Я не специально покупал.

Ему было сорок два. Волосы, короткие на висках, спереди падали на лоб; на ногте большого пальца сохранилась синяя краска. Он сидел прямо, будто пришёл забирать плохо отремонтированный прибор и ещё надеялся обойтись без ссоры.

Вера закрыла на мониторе очередь обращений.

— Сначала о том, что я могу предложить. Вы показываете только то, что считаете нужным. Для проверки я сохраняю выбранные сообщения в вашем обращении. Другому участнику без отдельного разрешения их не передам. Если решите уйти, служебная проверка продолжится в пределах уже полученного.

— А если я захочу узнать, кто второй?

— Спрошу, готов ли он познакомиться. Его адреса у меня для вас нет.

Даниил провёл пальцем по краю файла.

— У вас слишком спокойный голос.

— Я стараюсь говорить понятно.

— Получается как у человека, который это уже сто раз видел.

Вера убрала со стола ручку. Ей хотелось записывать, но сейчас записи сделали бы разговор похожим на приём по расписанию.

— Мне нужно сообщить ещё кое-что. Вы с Алисой начали переписываться после вечера в «Комнате»?

— Через два дня. Она там не была.

— Партнёрские вечера предложила я. И текст, которым мы приглашали туда пользователей, тоже готовила я. Ваша первая жалоба была у меня. Поэтому я заинтересована не только в том, чтобы помочь вам. Я хочу понять, что пропустила и не привела ли людей туда, где им навредили.

Он впервые посмотрел прямо на неё.

— То есть вам нужно доказать, что вы не виноваты?

— Мне хотелось бы. Это может мешать. Поэтому окончательные решения по проверке принимает Матвей, а ваши материалы можете передавать ему напрямую.

— Хорошо, что сказали.

Он вынул письмо из файла и разрешил положить рядом второй рисунок.

Клякса совпала. Пропущенная буква тоже. Совпал весь абзац о прихожей, ключах и четвёртой ножке. После него тексты расходились. Грачёву Алиса написала: «Ты перестанешь отсчитывать выходные до следующего выходного». Даниилу: «Ты сможешь наконец чинить буквы, которым некуда возвращаться».

— Что это значит? — спросила Вера.

— Вывески. Я восстанавливаю старые вывески. Иногда приносят одну букву. Магазина уже нет, а буква есть.

Он улыбнулся без удовольствия.

— Видите, вам тоже захотелось спросить.

— Да.

— А она спросила, куда я их деваю. Не сколько стоит работа, не правда ли, что раньше делали лучше. Именно куда.

Вера не стала отвечать, что такой вопрос мог задать кто угодно.

Даниил рассказал, как Алиса появилась в приложении: тридцать семь лет, книжный оформитель, несколько коротких фраз о себе и фотография у жёлтого стула. Она не любила разговоры по телефону; объяснила, что в речи всё говорит быстрее, чем успевает подумать. Один раз они собирались встретиться. Потом у неё сорвалась поездка из соседнего города. Переписка длилась почти месяц.

— Вы никогда не слышали её голос?

— Нет.

Слово далось ему труднее, чем вся история.

Вера спросила, просила ли Алиса деньги.

— Она — нет.

Он задержался на этом ударе, потом открыл телефон.

Алиса предложила провести осеннюю неделю в доме бывшего переплётчика за городом. Там якобы устраивали маленькую мастерскую: несколько гостей, комната с окнами во двор, работа без заказчиков. Даниил мог привезти свои бесхозные буквы. Его доля бронирования составляла сорок восемь тысяч рублей. Алиса уже внесла свою — во всяком случае, так писала.

Платёж следовало сделать организатору, «Бюро тихих поездок». Даниил ещё не заплатил: хотел увидеть мастерскую, прежде чем везти туда инструменты.

— И это разумно, — сказала Вера.

— Не хвалите меня. Я почти согласился.

Она попросила сохранить предложение вместе с реквизитами, не оплачивать до проверки и не удалять переписку. Даниил разрешил приложить к обращению письмо с рисунком и предложение поездки. Остальные сообщения оставил у себя.

— Там есть вещи, которые не относятся к вашей работе.

— Тогда пока не показывайте.

Он долго смотрел на два дома. Потом передвинул свой лист чуть ближе к себе.

— Может, она просто не умеет каждый раз придумывать новое, — сказал он. — Вы ведь тоже иногда пишете людям одинаковое.

Вера кивнула.

— Именно поэтому мы ещё не сделали вывода.

Когда он ушёл, на столе остался прозрачный файл. Вера догнала его у лифта.

— Вы забыли.

Даниил взял пустую папку обеими руками, проверил, нет ли внутри листа.

— Письмо у вас?

— Только копия. Ваше вы положили в сумку.

Он проверил и сумку. Лишь потом нажал кнопку первого этажа.

3. Комната с зелёной дверью

В «Комнате» пахло грушами и нагретой бумагой. У входа стоял ящик с плодами, слишком твёрдыми для вазочки на столе. Оксана, хозяйка площадки, сказала, что их привезла сестра и теперь приходится раздавать гостям вместе с программой.

— Возьмите две. Хотя бы для вида.

Вера взяла одну и положила рядом с блокнотом. Она пришла по рабочей договорённости: хотела проверить порядок хранения сведений о встречах. Имен пользователей Оксане пока не называла.

Помещение занимало бывшую квартиру над аптекой. Три комнаты соединялись широкими проёмами. В дальней вечером переставляли столы для знакомств, днём здесь проходили занятия по рисунку и репетиции любительской студии. На стене висел плакат: жёлтый стул, женщина вполоборота, крупные буквы «Неверные адреса». Нижнюю часть закрывал ящик с запасными рамами.

У окна мужчина складывал программы. Он проводил ногтем по сгибу, так что бумага негромко щёлкала.

— Роман Берестов, — представила его Оксана. — Наш автор и человек, который умеет усадить шестнадцать незнакомых людей без школьного звонка. Вера от «Пары строк».

— Про ваши новые жалобы? — спросил он.

Вера остановилась.

— Почему про жалобы?

— Партнёры приходят или с предложением, или с жалобой. Предложения вы обычно присылаете заранее.

Он протянул ей программу. На обороте оставалась часть сценки: заголовок «Ответ Д.» и несколько зачёркнутых строк.

— Репетиционные листы, — пояснил Роман. — Я сейчас собираю новые письма для студии. Пока не для гостей.

Вера вернула ему программу. У Берестова были длинные пальцы и широкие мягкие манжеты. На сгибе левого рукава чернело пятнышко туши.

Вера не придавала ему значения. В помещении для рисования пятна не были уликой.

Оксана поставила чайник и показала обычную карточку гостя. На первой стороне человек оставлял имя, выбранное для вечера, и адрес для организационных писем. На обратной отмечал темы, которые хотел бы обсуждать. Пустые карточки лежали открыто; заполненные убирали в шкаф.

— У нас в приложении контакты закрыты, — сказала Вера.

— Здесь люди оставляют их сами. Мы предупреждаем.

Предупреждение действительно было. Вера прочла его до конца. Адрес предназначался для приглашений и сообщений о занятиях. В предупреждении говорилось, что контакты не передают другим гостям без разрешения.

— А после свиданий?

Оксана достала второй бланк.

Он назывался «Что запомнилось». Три свободных поля: удачный момент, трудный момент, пожелание к следующей встрече. Внизу стояла фраза о том, что заметки прочитает ведущий для подготовки программы. Вера узнала собственную формулировку. Полгода назад она предложила убрать слово «оценка», чтобы гости не чувствовали себя на экзамене.

— Кто ведущий?

— Обычно Роман. Иногда я.

— Сотрудники приложения эти листы не получают?

— Никогда не получали. Тебе нужны цифры: сколько пришло, сколько записалось повторно. Ты сама просила не присылать истории.

Берестов положил готовую стопку программ в коробку.

— Истории вообще трудно прислать, — заметил он. — На листе всегда оказывается что-нибудь не то.

— Тогда зачем вы просите их записывать?

— Чтобы понять, где мы сделали людям неудобно.

Ответ был хороший. Слишком удобным Вере показался не он, а её собственный порыв счесть хорошую реплику подозрительной.

Оксана открыла шкаф. Внутри стояли папки по месяцам, рулон скатерти и коробка с надписью «Сцена». Ключ висел у хозяйки на запястье вместе с ключами от кассового ящика. Запасной находился у Романа: он закрывал площадку после репетиций.

— Бумаги должны храниться месяц, — сказала Вера.

— Обычно так и делаем. Эти оставили для разбора новой программы.

— Сколько им?

— С начала лета.

Был сентябрь.

Вера записала это первой отдельной строкой. Договориться о красивой формулировке оказалось проще, чем проверить, когда выбрасывают бумагу.

В дальней комнате зазвонил телефон. Берестов ответил, отошёл к окну. Говорил негромко, но Вера слышала: «За дом мне деньги ещё не вернули. Я вам не отказываю, я прошу до пятницы».

Вернувшись, он предложил печенье.

— Вы организуете поездки? — спросила Вера.

— Пытаюсь. Загородные занятия. Договорённостей больше, чем участников.

— «Бюро тихих поездок»?

Он поднял глаза.

— Да. Красивое название, правда? Только хлопот от него пока громких.

Оксана сказала, что поездки — отдельное дело Романа. «Комната» предоставляла зал для презентации, но не продавала путёвки. Она подчёркнуто поправила себя: не путёвки, места на занятиях.

Вера попросила прислать общедоступную программу и договорённости с загородной площадкой. Берестов согласился.

На выходе она оглянулась на плакат. Женщина у жёлтого стула держала в руках письмо. Лица почти не было видно из-за блика на стекле.

Вера наклонилась, но Оксана уже распахнула перед ней дверь. На лестнице кто-то нёс тяжёлую раму, пришлось прижаться к стене и пропустить.

Груша осталась у чайника.

4. Имя матери

Даниил пришёл во вторник без сумки. В руках у него был небольшой прямоугольник жести, завернутый в ткань.

— Это не подарок, — сказал он. — Вы вчера спрашивали про буквы. Вот такая работа. Заеду к заказчику после вас.

На жести белела буква «Ж», похожая на человека, который одновременно разводит руками и собирается взлететь.

Вера осторожно развернула ткань.

— Я думала, старые вывески обязательно огромные.

— Эта с дверцы шкафа. «Журналы». самого шкафа давно нет. Будет на новом.

— Получается, нашла место.

— Посмотрим, понравится ли ей.

Они улыбнулись, и несколько секунд встреча была почти обычной. Потом Даниил вынул телефон.

За ночь он перечитал переписку с Алисой. Теперь позволял Вере увидеть ещё четыре сообщения. Он заранее собрал их в отдельный файл, чтобы не листать всё при ней.

В одном Алиса спрашивала, почему он так редко возвращается в родной посёлок. В другом писала, что ему, должно быть, трудно есть в одиночестве за длинным столом. Третье было про мать: «Мне кажется, Лиля бы обрадовалась, если бы ты наконец занялся мастерской для себя».

— Мою маму зовут Лида, — сказал Даниил.

Вера уже занесла руку над клавиатурой и остановилась.

— Вы писали Алисе её имя?

— До этого сообщения — нет. Потом исправил.

— Где ещё могли назвать?

— На свидании. В «Комнате». Я рассказывал Инне.

Последнее слово он произнёс так, будто с сожалением отдавал ей ещё одного человека.

На вечере Даниил сидел с Инной Федотовой, которая шила театральные костюмы. Разговор не пошёл сначала, зато под конец они стали обсуждать странные вещи, оставшиеся после переездов. Даниил рассказал о материнском кухонном столе. После ремонта стол разобрали, одну длинную доску он забрал себе. Хотел когда-нибудь сделать рабочее место, за которым поместятся двое.

— Это было не приглашение ей жить вместе, — быстро пояснил он.

— Я так и не подумала.

— Она подумала. Потом извинилась. Мы посмеялись.

Из всех подробностей вечера Вера знала только то, что Даниил сейчас сам ей рассказал. Ни одного из этих сведений в его открытой анкете не было. Он показал анкету: возраст, занятие, три фотографии работ, короткое обещание не спорить о музыке за рулём.

— Почему не спорить? — спросила Вера.

— Я не вожу. Это моя единственная честная уступка.

Вера засмеялась. Он посмотрел с благодарностью, словно она ненадолго перестала рассматривать его повреждение.

— Я могу попросить Инну связаться с нами, — сказала Вера. — Передам приглашение через приложение. Объясним, какие вопросы хотим задать.

— Думаете, она пишет за Алису?

Вера не ответила сразу. Имя матери, история стола, участница свидания — цепочка складывалась с пугающей лёгкостью.

— Это одна из возможностей.

— Она говорила, что иногда пишет тексты для студии.

— Тогда мы спросим и об этом.

Даниил убрал жестяную букву в ткань. Пальцы работали привычно и точно, а голос стал сухим.

— Инна спросила, почему я не позвал её ещё раз. Я сказал, что у нас разные намерения.

— Какие?

— Она хотела семью. Я сказал, что мне сейчас важнее разговоры и дружба.

На экране лежало письмо о доме для двоих.

Вера не посмотрела на него, но Даниил сам положил телефон экраном вниз.

— Да, я вижу. Удобно получилось. С настоящим человеком мне было слишком серьёзно, а тут я уже комнату выбираю.

— Вы могли передумать.

— Мог. Только я ей не так сказал. Я сказал: «Я хорошо себя знаю».

Они договорились, что Вера отправит Инне короткое приглашение, а Даниил сам сообщит, какие подробности их разговора уже раскрыл. Он написал при ней. Не попросил сначала дать ему подходящие слова.

Когда он вышел, Вера включила карточку проверки. В поле «Рабочие версии» она записала: «Связь с участницей очного знакомства». Потом добавила вторую строку: «Сведения могли уйти через организаторов».

Первая казалась живой: конкретная женщина, обида, желание вернуть внимание. Вторая была скучной и состояла из шкафа, карточек и срока хранения.

Вера перечитала обе и поменяла их местами.

5. Обратная сторона листа

Инна выбрала скамью во дворе своего ателье. В помещении работала помощница; обсуждать свидание под шорох машинки она не хотела. На коленях у неё лежал тяжёлый чехол, из которого выглядывала серебристая тесьма.

— Через сорок минут примерка, — сказала она. — Больше времени у меня нет.

Даниил сел на другом конце скамьи. Вера осталась стоять, пока Инна не кивнула на свободное место между ними.

— Только сначала скажите, что именно вы думаете.

Вера объяснила про два письма, одинаковый рисунок и детали, отсутствующие в открытой анкете. Имени Грачёва она не назвала. Показала только согласованный Даниилом фрагмент о матери.

Инна прочла его и сжала губы.

— Я так и написала.

— Кому? — спросил Даниил.

— В карточке после вечера. «Мама Лиля». Мне казалось, я расслышала.

Она посмотрела на него с раздражением, которое было легче выдержать, чем жалость.

— Ты три раза повторил название посёлка, а имя сказал один раз. Я ещё подумала: красивое имя, давно не встречала.

— Что ещё ты записала?

— Про стол. Про буквы. И что разговор стал лучше, когда мы перестали обсуждать, кто чего хочет от жизни.

— Зачем столько?

Инна положила чехол на скамью.

— Меня попросили рассказать, что помогло. Ведущий сказал, что по нашим ответам сделает следующий вечер менее неловким. Я и рассказала. Мне не приходило в голову, что надо беречь от него имя твоей мамы.

С улицы вкатился велосипед. Курьер остановился у двери ателье, проверил телефон и снова уехал. Все трое проводили его взглядом, словно он мог принести простое окончание разговору.

Вера спросила, писала ли Инна тексты для «Комнаты».

— Для двух программ. Объявления, небольшие сценки. Роман иногда зовёт помочь.

— Был среди них дом на трёх ножках?

Инна нахмурилась.

— Не помню. У нас столько нелепых вещей придумывалось.

— А личные письма для гостей?

— Нет.

— Возможно, по просьбе кого-то из организаторов?

— Нет, Вера.

Она произнесла её имя отдельно, почти по слогам.

— Вы сейчас проверяете слова или ждёте, когда я начну путаться?

Вера хотела ответить, что задаёт обычные вопросы. Но в разговоре уже возникла та самая готовая история: отвергнутая женщина, писательский навык, подробности, известные ей одной. Вера чувствовала её так отчётливо, что перестала замечать, как звучит сама.

— Извините. Я выбрала слишком узкую версию.

— Вы её выбрали ещё до встречи?

— Да.

Инна повернулась к Даниилу.

— А ты?

Он потёр ладонь о джинсы.

— Я не хотел думать про Алису.

— Поэтому удобнее оказалось думать про меня.

Она сказала это тихо, без вопроса. Даниил кивнул.

Инна разрешила запросить у Оксаны свою карточку целиком. Согласие на передачу она написала в телефоне и отправила хозяйке площадки сама. При этом отдельно указала: использовать для проверки возможной передачи сведений, не для обсуждения того, насколько удачным было свидание.

— И копию мне, — добавила она. — Я хочу вспомнить, что там наговорила.

Примерка начиналась через двенадцать минут. Инна подняла чехол, но не пошла сразу.

— Скажите, у неё хорошие письма?

Даниил не нашёл ответа.

— Ладно. Это лишний вопрос.

Она исчезла за дверью. Вера увидела через стекло, как Инна улыбнулась помощнице и стала вытаскивать из чехла зелёный рукав. Работа приняла её обратно без расспросов.

Они с Даниилом дошли до угла молча.

— Она права, — сказал он. — Я готов был придумать про неё что угодно, только бы у другой осталось лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.